

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ II

(с 4 таблицами и 5 рисунками в тексте)

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1927

Записки Коллегии Востоковедов, II.

Mémoires du Comité des Orientalistes.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

13. М. Г. Худяков. Очерки по истории Казанского ханства. Казань. Государственное издательство. 1923. 302 стр. 8⁰ и карта.

Внешняя история Казанского царства здесь излагается в четырех главах соответственно устанавливаемым автором периодам: могущества ханства (начинается этот период очень рано, с 1438 г.), эпохи русского протектората, национального возрождения и падения ханства. Следующая глава посвящена внутреннему строю ханства, особая — городу Казани, главным образом ее топографии и зодчеству. Основная мысль истории ханства, как она определена в предисловии, покоится на признании в основе данного государственного организма местной старинной болгарской культуры, к которой привита сильная военная власть. Благодаря этому сочетанию, царство выступило сразу «во всеоружии своей мощи» и имело все данные для долгого существования, но быстрый рост московского соседа установил условия не в его пользу.

Осветить историю ханства во всей полноте М. Г. Худяков не имеет намерения, по его словам «целые категории источников» остались ему недоступными. Но он взялся за перо с целью «обратить внимание знатоков и специалистов» на предмет, «имеющий так много права на разработку и до сих пор так мало исследованный». Автор не удовлетворен отношением к его предмету русских историков — общим недостатком большинства их он считает тенденциозность, отводящую Казанскому ханству «слишком пассивную роль». Эта основная задача книги выступает весьма отчетливо во всех главах. Наибольшую заботу доставляет М. Г. Худякову, как бы кто не умалил значения Казанского царства в истории восточной Европы, не оставил в тени элементов казанской государственности, не отклонил влияния на русскую культуру татар, в частности казанцев.

Заботы эти начинаются с хана, которого автор признает первым царствовавшим в Казани, Улу-Мухаммеда. В пышных чертах изображена его деятельность. «План основания Казанского ханства можно назвать гениальным, потому что хан Мухаммед понял особенность древнего культурного местного населения и, задумавши восстановить мусульманское государство в верхнем Поволжье, правильно оценил шансы на его прочное существование. Дальновидный проект был выполнен с огромным умением... Военный талант и организаторский гений основателя Казанского ханства дали ему возможность поставить величие государства сразу на должную высоту и достигнуть такой полноты верховенства над Россией, которая заставила считаться с Казанью более, чем с ханством Сарайским». Такая постановка представляется нам сопряженной с немалыми трудностями. Здесь соединены два положения: одно никем не оспариваемое, что в княжение Василия Темного золотоордынские выходцы, в числе их и главным образом Улу-Мухаммед, имели огромное влияние на судьбы зарождавшегося московского единогодержавия; другое, весьма спорное, что Улу-Мухаммед вообще был основателем и организатором Казанского царства. Взгляд на него, как первого Казанского хана, приходится основывать на позднем памятнике, так называемом Казанском летописце, тогда как летописи, следящие за событиями по месяцам, называют основателем его сына Махмутека, а когда московские дипломаты (при в. кн. Василии Ивановиче) имели нужду в доводе для отвода крымских притязаний на Казань и в пользу давности казанской династии, они писали: «ино изначала Казань юрть не ихъ, а были на Казани опришние цари: царь былъ на Казани Мамутекъ . . .». Маловажный сам по себе вопрос, отца или сына следует назвать первым казанским ханом, приобретает для М. Г. Худякова особое значение может быть потому, что по его признанию «никто из ханов татарских после Улу-Мухаммеда уже не достигал такого прочного могущества над Россией» (171). В основании Казанского ханства Улу-Мухаммедом автор убеждает следующим доводом: поход Улу-Мухаммеда на в. князя в 1445 г. и условия, какие он Москве поставил, могли быть реализованы лишь в том случае, «если хан Улу-Мухаммед опирался на многочисленное население, доставлявшее ему обширный кадр войска и имел перед собою широкие государственные задачи». Можно и по существу оспаривать доказательность таких доводов (в те же годы другой, не столь счастливый, ордынский выходец, царевич Мустафа напал на рязанскую Украину с неменьшей энергией, отнюдь не разрешая широких государственных задач; обширный кадр войска тоже не к чему усматривать в той полчетверти тысячи вместо ранее у него бывших трех, с каковой ратью Улу-Мухаммед нанес поражение не успевшему стянуть своих сил в. князю),

но прежде всего читатель вправе ожидать, что М. Г. Худяков соберет все показания источников pro и contra своего положения и выскажет свое отношение, например, к такому показанию Воскресенской летописи: «тоя же осени (1445) царь Мамотякъ, Улу-Магметев сынъ, взявъ городъ Казань, вотчича казанского князя Либѣя убил, а самъ сѣлъ въ Казани царствовать». У М. Г. Худякова: «Русские летописи намекают на то, что Улу-Мухаммед взял Казань силою и овладел городом лишь после убийства правившего там местного князя...» (18). Столь велика у автора уверенность в точности своих представлений, что он переправляет слова летописи и видит намек на Улу-Мухаммеда там, где у летописца прямое указание на Махмутека.

Как нечто данное, М. Г. Худяков описывает, как вследствие выгодного договора 1445 г. и при следующем хане Махмутеке продолжался «приток из России денежных средств», дававших возможность расширять торговые предприятия (напомним, что А. Е. Пресняков задавал себе подобный вопрос, но, по его мнению, тяжкие обязательства Василия Темного не перешли по наследству к Махмутеку. Образ. великорусск. госуд., 412); сообразно с этим по мнению М. Г. Худякова мирные отношения между русскими и казанцами в его царствование «ни разу не нарушались». Но как быть опять с летописями? Архангелогородский летописец, хорошо знакомый с устюжскими событиями, повествует под 6954 летом, как весной казанские татары («а все царевъ дворъ») приходили ратью на Устюг, зажгли город и взяли окуп; под 6956 (Воскрес., Никон.) царь Казанский Мамутек послал всех князей своих воевать отчину в. князя; в послании русских перархов к Шемяке (того же года, А. И., I, № 40) высказан упрек, что за его посылкой к Мамотяку тот держит у себя в железах великокняжеского киличая. В специальной истории Казанского ханства всему этому следовало бы найти место и собрать факты ранее, чем рисовать казанского хана «царем-миротворцем», а московского государя его послушным данником.

Не следя даже за изложением внешней истории Казанского царства и вообще не принимая на себя обязанности читать книгу М. Г. Худякова целиком, остановимся на некоторых частностях внутреннего строя царства.

Курултаю у казанских татар посвящено М. Г. Худяковым 5 страниц. Он осведомлен, что это был орган законодательный или даже учредительный, собрание трех чинов, что волеизъявление народа при помощи курултае нельзя назвать совершенным, в нем находили выражение стремления и пожелания лишь привилегированных слоев населения и т. д. Но так как о курултае у казанских татар в источниках нет ни одного упоминания, то доказывать его существование автору приходится при помощи толкований.

Он утверждает, что курултай был известен русским памятникам под именем «всей земли Казанской»; термин по его подсчету (по Царств. книге) употребляется 14 раз в важные моменты жизни государства — при низложении ханов, избрании новых, заключении договоров. Число 14 можно бы и увеличить (так М. Г. Худяков не упоминает о 1549 г.: «когда не стало въ животѣ Сафа-Гирея, бывшіе въ Казани крымскіе князья и вся земля Казанская учинили себѣ государемъ Утемишъ-Гирея» (См. Кунцевич, 365). Но сколько бы раз «термин» ни повторялся, остается весьма сомнительным, чтобы это обыденное выражение московских актов означало курултай. Например, в 1503 г. московскому дипломату велено было наедине говорить Менгли-Гирею о хане Абдул-Летифе, что он людям, как Руси, так и бесерменам «учаль велику силу чинити и всей землѣ Казанской учаль лихъ быти» (Сб. Р. Ист. Общ. 41, № 92); самое пылкое воображение не усмотрит тут признаков народного собрания. Остается сосредоточить внимание на единственном собрании, описание которого, по мнению автора, дошло до нас — собрании в августе 1551 г. перед вступлением в Казань Шигалея; происходило оно под открытым небом при устье Казанки. Проследим (по Никонской летописи) обстоятельства этого события. Казанцы посылали к московскому государю мурзу, тот подал челобитную (дать Шигалея на царство) от всей земли Казанской: после духовных лиц, князей, уланов и проч. упомянуты «и чюваша и черемиса и мордва и тарханы и жогары и вся земля Казанская». По уговору с боярами, Шигалею и боярам надлежало ехать на Казанское устье и утвердить dokonчанье «и всей земли Казанской тутъ встрѣтити». Там и тут переговоры, возвращение русского полона и, наконец, все люди казанские пошли к правде и ходили три дня. Признать здесь что-либо подобное съезду знати, каковым был монголо-татарский курултай, едва ли возможно. Автор, однако, не только ставит на сцену этот заманчивый для обоснования казанской государственности предмет, но и задумывается (231), не под влиянием ли казанских курултаев возникли на Руси земские соборы: «для Казанского ханства собор всей земли был старым, привычным учреждением, для нарождавшейся новой России, он был нововведением». При этом М. Г. Худяков не спрашивает себя, какой успех ему обещает подобное сопоставление, если бы и удалось доказать, будто состав того и другого учреждения сходен. Татарский сейм не был представительным учреждением, а вечевые начала давно отжили свой век на Руси.

В выборе примеров татарского культурного влияния на Русь автор вообще неистощим. У Василия Блаженного не проста восемь глав, они находят себе «поразительное соответствие» в 8 минаретах казанской мечети (291); мечеть, правда, не сохранилась и никем не описана, но предание о

ее 8 минаретах записано в XIX в. муллой Шигабудином. В длинном списке татарских изречений, заимствованных русским языком (233), попадает даже жемчуг, известный Слову о полку Игореве. Почему все это нашло себе место в истории Казанского ханства, объясняется тем, «что большая часть культурных влияний шла в Россию именно через Казанское ханство».

Под заголовком «князья и помещики» автор желает дать представление о размерах поместного землевладения в Казанском ханстве и считает возможным получить сведения из русских писцовых книг второго после взятия Казани десятилетия. Он уверен, что есть и хранится в Моск. Архиве Мин. Юстиции подлинная писцовая книга 1563 г. бывших ханских владений, присвоенных государем (196). Упоминание такой книги очевидно недоразумение, навеянное, может быть, неправильно понятой ссылкой Перетятковича (I, 249), но не говоря о фантастической книге и сохранившимся пользоваться для указанной цели весьма рискованно — за промежуточное время заселялись нови, ставились починки на лесу. Игнорируя этот период энергичного освоения края русскими поселенцами и переименовывая русскую историю в татарскую, автор забывает использовать материал, послуживший С. В. Рождественскому для краткого очерка землевладения служилых татар, из которых иные владели отцовскими жеребьями по старине без дач, чем те владели и до Казанского взятия. Техническую сторону пользования писцовыми книгами нельзя назвать удачной, и таблица цифровых данных (196) неприемлема даже в приблизительных размерах. В площади поместно-вотчинных дач леса в 76 раз превышают пашню, между тем при нормальном отношении (данные С. В. Рождественского) пашни бывало больше. Автор не посвятил читателя в способ, которым он получил такие цифры. Позволим себе высказать догадку, что М. Г. Худяков доверился зыбкой московской математике, имевшей обыкновение в итогах вместо сложения площадей складывать отдельно, сколько намерено лесу в длину и сколько в ширину, и перемножил эти цифры.

Русскими писцовыми книгами автор широко пользуется и говоря о «крепостных и рабах», с той же неудержимой склонностью переименовывать показания русских источников в факты эпохи Казанского ханства. «Полоняники» русских книг неизбежно оказываются у него русскими, взятыми в полон и не пожелавшими после покорения Казани вернуться на родину (о том, как правительство Грозного посылало в Казанский край людей, взятых в войнах с западными соседями, напр., после взятия Полоцка, автор не вспомнил). Трудно пересказать, соблюдая серьезность, какие выводы отсюда получаются. Например, в момент письма такие то полоняники оказались дома, тогда как их соседи татары и чуваша были на государевой

службе. «Нет сомнения, говорит М. Г. Худяков, что в этих чертах сохранились следы положения, существовавшего в Казанском ханстве до завоевания — военнопленные не привлекались к военной службе казанским правительством» (208).

В предисловии автор счел нужным дать краткое обозрение источников и определить свое отношение к обработке их историками. Где проходит по взглядам М. Г. Худякова граница между этими двумя половинами потребной для истории ханства литературы, мы затруднились бы сказать. Например, на стр. 94 ссылка: «Дела Крымские № 8, л. 480», однако цитата, приведенная под этой ссылкой, дает образец совсем не того стиля, какой обычен в сохраненных архивом памятниках дипломатических сношений XVI в. («Говоря о твоих мнимых правах, молчишь о существенных правах России» и проч.). Не трудно угадать, у какого знаменитого писателя (т. VIII, пр. 54) взят этот пересказ читанного им в крымских делах документа. Список источников столь краток, что назван I том «Пам. дипл. сношений» с восточными державами (Сб. Р. Ист. Общ., т. 49), но о втором томе (там же, т. 95) не упомянуто и, повидимому, он не использован, несмотря на его важность для темы.

Что касается обработки истории Казанского царства, то о своих предшественниках М. Г. Худяков упоминает весьма кратко и в большинстве случаев пренебрежительно. К числу «компилятивных» причислен им, напр., труд Перетятковича. Из оцениваемых М. Г. Худяковым «русских историков» остановимся только на С. М. Соловьеве. Как и другие, он не свободен от тенденциозности, проникнутой «сильным патриотическим фанатизмом, который доводит изложение фактов до каррикатурного искажения». Пользуясь Соловьевым автор впрочем не отказывается, но обличает его попутно, на ходу. Например, автор не согласен с представлениями Соловьева о финансовых взаимоотношениях Казани и Москвы. По Соловьеву, на казанские волости наложена была известная подать, шедшая в московскую казну и собиравшаяся московскими чиновниками: М. Амин жаловался, что Федор Киселев притесняет цыvilских жителей, берет лишние пошлины. «В действительности же (поправляет М. Г. Худяков) в дипломатической переписке речь шла не о какой-либо подати в московскую казну с казанских волостей, а о таможенных пошлинах, которые русскими пограничными чиновниками взымались с казанцев в Нижнем и Муроме с излишком против установленного тарифа». Наставляя Соловьева, о чем речь шла в «действительности», М. Г. Худяков пользуется, повидимому, только самим Соловьевым. Если бы он заглянул в те памятники дипломатических сношений, которые Соловьев изучил в рукописи и которые теперь доступны в печатном

виде (Сб. Р. Ист. Общ., т. 41, № 26), он нашел бы вполне конкретную картину этого будто бы таможенного сбора: Киселев «съ Цевели» брал «приехавъ», вязал десятского, взял и корову и овцу и т. д.

В руках М. Г. Худякова была возможность заставить читателя забыть на время об историках, не удовлетворивших автора, и заинтересовать свежим материалом, вводимым им в обращение. Разумеется открытый в недавнее время ярлык казанского хана Сахиб-Гирея. Автор привлекает его к уяснению весьма интересных вопросов из области общественного строя ханства, но русский читатель избалован точными приемами плеяды русских ориенталистов, писавших о «России и Азии» и ждет другого изложения. Не употребляя в книге нигде арабского набора, М. Г. Худяков предлагает прямо свою передачу нужных ему мест памятника, который все еще ждет палеографической и дипломатической критики.

В предисловии автор приносит благодарность Гаязу Максудову и Г. С. Губайдуллину, которым книга «обязана своим появлением». Появилась книга при auspiciis исключительно благоприятных — ни казанский университет, ни старейшие ученые общества Казани не могут в то же время предать тиснению ни одной страницы своих исторических трудов. При появлении книга была приветствована рецензией проф. Н. Н. Фирсова в официальных казанских «Известиях» (1923, № 233). «Это книга, которой не доставало (пишет рецензент). Татарская республика должна иметь историю того государственного союза, из которого она вышла через длинный период тяжелой зависимости от другого государственного союза». Работа М. Г. Худякова признается исполненной с «большим знанием источников и пособий нелегкого предмета». Мы позволили себе привести эту ссылку на чужую рецензию потому, что без ее пособия не могли бы себе уяснить ни запросов, которым книга М. Г. Худякова должна была удовлетворить, ни того круга читателей, который своим появлением она уже удовлетворила.

1924, февраль.

С. Порфирьев.

14. मिश्रबन्धु (गणेशविहारी मिश्र, श्यामविहारी मिश्र, शुक्देवविहारी मिश्र) हिन्दी साहित्य का संक्षिप्त इतिहास । प्रयाग १९७५ । ४ + १८
т. е. Mişrabandhu (Ganeṣvihārī Mişra, Şyamvihārī Mişra, Şukdevvihārī Mişra). Hindī Sāhitya kā samkṣipt itihās. Prayāg (Аллахабад) 1975 (т. е. 1919), стр. 4 + 98.

15. F. E. Keay. A history of Hindi Literature. Mysore 1920, стр. 116.

16. Sayyid 'Abdul-Latif. The Influence of English Literature on Urdu Literature. London 1924, стр. XIII + 141.